

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ.

К-52
10151.

ЛЬВИНЫЙ ХЛЕБ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАШ ПУТЬ
Москва—1922.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ.

ЛЪВИНЫЙ ХЛЕБ

„НАШ ПУТЬ“, Москва, 1922.

ЛЪВИНЪЙ ХЛЕБ

Псалтырь царя Алексея,
В страницах убрusy, кутья,
Неприкаянная Россия
По уставам бродит кряхтя.

Изодрана душегрейка,
Опальный треплется плат.
Теперь бы в сенцах скамейка,
Рассказы про Цареград.

На столе медовые пышки,
За тыном успенский звон...
Зачураться бы от наслышки
Про железный неугомон.

Как в былом всхрапнуть на лежанке,
Только в ветре порох и гарь.—
Не заморскую-ль нечисть в банке
Отмывает тишайший царь?

Не сжигают ли Аввакума
Под вороний несметный грай?..
От Бухар до лопского чума
Подыхает кумачный май.

Замстает яблонным цветом
Душегрейку, постный псалтырь.
За плакатным советским летом
Расцветают розы, имбирь.

В лучезарьи звездного сева,
Как чреватый колос браздам,
Наготовю сияет Ева,
Улыбаясь юным мирам.

Свет неприкосновенный, свет неприступный
Опочил на родной земле:
Уродился ячмень звездистый и крупный,
Румяный картофель пляшет в котле.

Облизан горшок белокурым Васяткой,
В нем прыгает белка — лесной солнцёк,
И пленники — грызь, маята с лихорадкой
Завязаны в бабкин заклятый платок.

Не кашляет хворь на счастливых задворках,
Пусть караулка и умер затвор,
Чтоб сумерки выткать, в алмазных оборках
Уселась заря на пуховый бугор.

Покинула гроб долгожданная мама,
В улыбке — предвечность, напевы в перстах...
Треух у тунгуза, у бура панама,
Но брезжит одно в просветленных зрачках:

Повыковать плуг — сошники Гималая,
Чтоб чрево земное до ада вспахать, —
Леха за Олонцем, оглобли в Китае...
То свет неприступный — бессмертья печать.

Васятку в луче с духовидицей печкой,
Я ведаю, минет карающий плуг,
Чтоб взростил не меч с сарацанской насечкой
Удобривный ранами песенный луг.

Россия плачет пожарами,
Варом, горячей золой,
Над перинами, над самоварами,
Над черной, уездной судьбой.

Россия смеется зарницами,
Плеском вод, перелетом гусей,
Над чертогами и темницами,
Над грудой разбитых цепей.

Россия плачет распутицей,
Листопадом, серым дождем,
Над кутьею и Троеручицей
С кисою, с пудовым замком.

Россия смеется бурями,
Влеском молний, обвалами гор,
Над столетьями, буднями хмурыми,
Где седины и мысленный сор.

Над моею заклЯтой тетрадкою,
Где за строчками визг бесенят...
Простираюсь перед укладкою
И слезам и хохоту рад. —

Там, Бомбеем и Ладогой веющий,
Притаился мамин платок.
О твердыни ларца, пламенеющий
Разбивается смертный поток.

И над Русью ветвится и множится
Вавилонского плата кайма...
Возгремит, возшеет, обожится
Материнская вещая тьма.

Я знаю, родятся песни—
Телка у негих лосих,
И не будут звезды чудесней,
Чем Россия и вятский стих

Города: Изюмец, Чернигов,
В словозвучьи сладость гаят;—
Пусть в стихе запылает Выгов,
Расцветет соловьиный сад.

По заставкам Болга, Онега,
С нарусами, с дымом костров...
За морями стучит телега
Беспощадных мча седоков.

Черный уголь, чудесный радий,
Пар—возница, гулёха—сталь
Едут к нам, чтобы в Китеж-граде
Оборвать пшюм и миндаль,

Чтобы радужного Рублёва
Усадить за хитрый буюварь,
На столетье замкнется снова
С драгоценной поклажей ларь.

В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок,
И взбурлят рекой самоцветы
Ослепительных вещей строк.

Захлестнет невучая пена
Холмогорье и Целебей,
Решетом наловится Вена
Серебристых слов—карасей.

Я взгляну могильной березкой
На безбрежность песенных нив,
Благовонной, зеленой слезкой
Безмянный прах окропив.

Умирают звезды и песни,
Но смерть не полнит сумы,—
Самоцветный лебедь Воскресни
Гнездится в недрах тюрьмы.

Он сосцов девичьих алес
Ловит рыбок -- чмоки часов...
Нож убийцы и цепи злодея
Знают много воскресных слов.

И на исповеди, перед казнью,
Улей—сердце выводит пчел,
Над смертельной слезой, над боязнью
Поцелуйный реет орел.

Оборвутся часов капели,
Как луга, омыв каземат,
Семисвечником на постели
Осенят убийцу закат.

И с седьмого певчего неба
Многовзорный скатится Глаз
Чтобы душу черней Эреба
Спеленать в лазурный атлас.

А за ним Очиститель сходит
С пламенеющей метлой,
Сор метет и пятна выводит,
Хлопоча, как мать, над душой.

И когда улыбка дитяти
Расплещет губ черноту,
Смерть—стрелок в бедуинском плато
Роковую ставит мету.

Проститься с лаптем—милягой,
С овином, где дед—Велес,
Закатиться красной ватагой
В безвестье чужих небес.

Прозвенеть тальянкой в Сиаме,
Подивить трепаком Каир,
В расписном бизоньем вигваме
Новоладожский править пир.

Угостить раджу солодыгой,
Бандерку сладким рожком...
Как с Россей, протясь с бумагой,
Киммерийским журчу стихом.

И взирает Спас с укоризной
Из угла на словесный плес.
С окровавленную отчизной
Не печалит разлука нас.

И когда зазвенит на Чпли
Керженский самовар,
Серафим на моей могиле
Вострубит светел и яр

И взлетит душа алконоютом
В голубую млечную медь,
Над родным, плакучим погостом
Избяные крюки допеть.

Коровы—платиновые зубы,
Оранжевая масть, волторны в мыке,
На птичьем дворе гамаюны, инкубы—
Домашние твари, курино—покорны.

Пшеничные рощи, как улей, медовы,
На радио солнце деляют стволы.
Глухие преданья про жатву и ловы
В столетних брезжат неясно—смуглы.

Двуликие девушки ткут песнопенья.—
Уснова—любовь, поцелуй—уток,
Блаженна земля и людские селенья,
Но есть роковое: Начало и Срок.

Но есть роковое: Печаль и Седины,
Плакучие ивы и воронов грай...
Отдайте поэту родные овины,
Где зреет напев—просяной каравай!

Где гречневый дед—золотая улыба
Словесное жито смыкает в сусек...
Трещит ремингтон, что Удрус и Барыба
В кунскамерной банке почили навек,

Что внук китовраса в заразной больнице
Гнусавит Ой---ра, вередями цветы...
Чернильный удав на сермяжной странице
Пожрал мое сердце, поэзии метя.

Виктору Шимановскому.

Придет караван с шафраном,
С шелками и берюзой,
Ступая по нашим ранам,
По отмели кровавой.

И верблюжья тяжеле плетя
Умерят древнюю боль,
Прольются снежные святки
В ночную, арабскую смоль.

Сойдутся: вятич в тюрбанах,
Поморка в тунисской чадре,
В незакатном новом Харане
На Гор лучезарной горе.

Переломит Каин дубину
Для жертвенного костра,
И затопит земную долину
Пылающая гора.

Города журавлиной станицей
Взбороздят небесную грудь,
Повенец с лимонною Ниццей
Укажут отлетный путь

И не будет песен про молот,
Про невидящий маховик,
Над Сахарою смугло-золот
Прозябнет Россия лик.

В шафранных зрачках караваны
С шелками и бирюзой,
И дремучи косы платаны
Целованные грозой.

Суровое булыжное государство,—
Глаза Ладога, Онега сизоводное...
Недосказ—стихотворное коварство,
Чутье следопытное народное.

Нос мужицкий—лось золоторогий
На тропе убийства, всеземного кипения;—
Проказа на солнце, лишь изб пороги
Духмянней аравийского курения.

У порога избы моей страж осьмикрылый,
О, поверьте, то не сказка, не слова построчные!
Чу, как совы, рыдают могилы...
Все цепче, глазастее лучи восточные.

Мир очей, острова из улыбок и горы из слов,
Баобабы, смоковницы, кедры из нот:
Фа и Ля на вершинах, и в мякоть плодов
Ненасытные зубы вонзает народ.

Дарья с Вавилом качают Монблан,
Каменный корень упрям и скрипуч...
Встал Непомерный, звездистый от ран,
К бездне примерить пылающий ключ.

Чу! За божницею рыкают львы,
В старой бадье разыгрались киты:
Ждите обвала—утесно́й молвы,
Каменных песеж из бездн красоты.

Гуды в ковриге... То стадо слонов
Дебри пшеничные топчет пятой:
Ждите самумных, арабских стихов,
Цлиски смоковниц под ярой луно́й.

Домяк Петра Великого,
Бревна в лапу, косяки аршинные,
Логовище барса дикого,
Где тлеют кости безвинные.

Сапоги—шлюзы амстердамские,
С запахом ила, корабельного якоря,
Пахля в углах—седины боярские,
Думы столетий без песни и бахоря,

Правнуки барсовы стали котятами,
Топят их в луже мальченко—история...
Глядь, над сивушными, гиблыми хатами
Блещет копьё грозного Егория.

Домяк петровский не песня Есенина,
В нем ни kota, ни базара лешужного,
Кружка голландская пивом не вснешена:
Ала Россия без хмеля недужного.

Выловлен жемчуг, златницы татарские,
Пестун бурунный—добыча гербария,
Стих обмелел.. Сапоги амстердамские
Вновь попирают земли полушария.

Барсова пасть и кутья на могилушке,
Кто породнил вас, Зиновьев с Егорием?
Видно не даром блаженной Аринушке
Сидели мази с плакучим дикорием.

Зурна на зырянской свадьбе,
В братишке знойный чихирь,
У медведя в хвойной усадьбе
Гомонит кукуший псалтырь:

„Ворони Иван Волосатый
Берестяный Семиглаз“...
Туркестан караваном ваты
Посетил глухой Арзамас.

У кобылы первенец—зебу,
На задворках—пальмовый гуд,
И от гумен к новому хлебу
Ветерок шафранный пахнул.

Замесит Орина ковригу,
Квашня—Семнадцатый год...
По малину волдунью—книгу
Залучил корявый Федот.

Быть приплоду нутром в Мибулу,
Речью в струны, лицом—в зарю...
Всецдеменному внемля гулу,
Я поддонный напев творю.

И ветвятся стихи—кораллы,
Неявленные острова,
Где грядущие Калевалы
Буревые пожнут слова,

Где совьют родимые гнезда
Фламинго и журавли..
Как зерно залягу в борозды
Новобрачной, жадной земли.

В шестнадцать — кудри да посылки,
А в двадцать — первенец, молодца, —
Это русские красные горелки,
Неопалимая феникс — птица.

Под тридцать — кафтан степенный,
Пробор, как у Мокрого Спаса, —
Это ивет живой, многоценный,
С луговин певца — китовраса.

Золотые столбы России,
Китоврас, коврига и печь,
Вам в пески и устья чужие
Привелось, как Волге, истечь.

Но мерцает в моих страницах
Пеклеванных созвездий свет.
Голосят газеты в столицах,
Что явился двуглаз — поэт.

Обливаясь кровавым потом,
Я несу стихотворный крест
К изумрудным Лунным воротам,
Где напевы, как сонм невест.

Будет встреча хлебного слова
С ассирийской флейтой—змеей,
И Великий Сфинкс, как корова,
На Сахару прольет удои.

Из молочных хлебей, как озимь,
Избяные взойдут коньки,
Засверлит бляением козым
Китоврас у райской реки.

И под огненным баобабом
Закудахчет павлин—изба...
На помин олонецким бабам
Эта тигровая резьба.

На помин олонецким бабам
Воскуряю ведровый стих;
Я под огненным баобабом
Мозг ковриги и звезд постиг.

Есть Звезда Квашни и Сусека,
Материнской пазушкой мглы.
У пиджачного человека
Не гнездятся в сердце орлы.

За ресцами не вязнут перья
Пеклеванных драчливых стай.
Не магнит, а стряпка—Дукерья
Указует дорогу в рай.

Там сосцы тишины и крынки
С песенным молоком,
Не поэты ли сиротинки
Позабывшие Отчий дом?

Не по ним ли хнычет мутовка,
Захлебываясь в дрожжах?
Как словесная бронза ковка
Шепелявой прозе на страх!

Раздышалась мякишем книга,
Буква „Ша“---закваска в перо,
И Казбеком блещет коврига
Каравану нестрых тире.

Осыпалась избяная сказка—
Шатер под смоковницей сусальной,
На затерянном судне полярная пасха,
Путешествие по библии при свечке сальной.

Пересохла подлавочные хлеби,
И кит—тишина с гарпуном в лапу.
В узорной каргопольской бабе
Провижу богов красоту. —

Глядь, баба в парижской тальме,
Папудрен допарский нос...
Примерещился нильской пальме
Сельдяной холмогорский обоз.

За обозом народ—Ломоносов
В песнорадушном зипуне...
Умереть у печных утесов
Индустриальной волне.

Что б в коврижные океаны
Отчалил песенный флот...
Товарищи, отметим за раны
Девы—суши и Матери вод!

Ложсна бытия иссиякли,—
В наших ядрах огонь и гром,
Пириней словесной пакли
Надут под тараном—стихом.

На развалинах строк, созвучий
Каркнет ворон—мое перо,
И прольется из трубной тучи
Живоносных рифм серебро.

Вещицу другу А. Богданову,

Женилось солнце, женилось,
На ладожском журавле,
Не ведалось и не снилось,
Что дьявол будет в петле.

Что смерть попадетя в сети
Скуластому вотяку...
Глядятя боги и дети
В огненную реку.

И видят: журавье солнце
На тигровом берегу
Курлыкает об Олонце,
Взнуздавшем коня—пургу.

Будя седую пустыню,
Берестяный караван
Везет волшебную скрыню
Живых, ледовитых ран.—

От хвой платану подарок,
Тапиру—тресковый дар...
Тропическ ал и жарок
Октябрьских знамен пожар.

Не басня, что у араба
Львиный Хлеб—скажун в табуне,
И повойник зырянка—баба
Эфиопской мерит луне;

Что плеяды в бурлацком взваре
Убаюкивает Ефрат,
И стихом в родном самоваре
Закипает озеро Чад.

Теперь бы Казбек—коврига,
Урал—румяный омлет...
Слезотечна старуха—книга,
Опечален Толстой и Фет.

По цыгански пляшет брошюра
И бренчит ожерельем строк.
Примеряет мадам культура
Усть—Сысольский яхонт—платок.

Костромские Зори—сережки,
Заонежские сапожки...
Строятся филины, кошки
В симфонические полки

Мандолина льнет в барабану—
Одалиска к лемовику...
По кумачному океану
Уплывает мое ву—ку.

Я кукушка времен и сроков,
И коврига—мое гнездо.
А давно ль Милюков, Набоков
Выводили глухое „до“.

Огневое „Фа“—плащ багряный,
Завернулась в него судьба,
Гамма „Соль“ осталась на раны
Песнолюбящего раба.

ЖЕЛЕЗО.

Безголовые карлы в железе живут.
Заплетают тенета и саваны ткут,
Пишут свиток тоски смертоносным пером,
Лист убийства за черным измены листом.

Шелест свитка и скрежет зубила—пера
Чуют Сон и Раздумье, Дремота—сестра...
Оттого в мире темень, глухая зима,
Что вселенские плечи болят от ярма,

От железной пяты безголовых влады,
Что на зори плетут власяничный башлык,
Плащаницу уныния, скуки покров,
Невод тусклых дождей и весну без цветов.

Громонозные духи в железе живут,
Мощь с ударом, с Упругостью девственный Тру
Непомерна их ласка и брачная ночь...
Человеческий род до об'ятий охоч,

И горячие перси влюбленных машин
Для возжаждавших стран словно влага долины
Из магнитных ложесн огневой баобаб
Ловит звездных сорок краснолесьями лап.

И стрекочут сороки: „в плену мы, в плену“...
Допросить бы мотыгу и шахт глубину,
Где предсердие руд, у металла гортань,
Чтобы песня цвела, как в апреле герань,

Чтобы млечным огнем серебрилась строка,
Как в плотичные токи лесная река,
И суровый шахтер по излучкам стихов
Наловил бы певучих гагар и бобров.

Солнце избу взнуздало—
Бревенчатого жеребца,
Умчимся в эскуриалы,
В глагол мирового Отца.

С Богом станем богами,
Виссонами шелестя...
Над олонецкими полями
Взыграло утро—дитя.

Сямских шелеов сорочка,
Карельские сапожки.
Истекла глухая отсрочка
Забубенной русской тоски.—

На покосе индус в тюрбане,
Эфиоп—Вавилин приймак.
Провидит сердце заране
Живой, смаковничий мрак.

И когда огневой возница
Взнуздывает избу,
Каргопольским говором Ницца
Провещает Руси судьбу.

Пустозерье кличет Хараном,
Казуарами—журавлей...
Плывут по народным ранам
Караваны солнц—кораблей.

И, внимая плескам великим,
Улыбается мать—изба,
А за печью лебяжьим криком
Замирает миров борьба.

Солнце верхом на овине
Трубит в лазоревый рог.
Как и при Рюрике ныне
Много полудных дорог.

В Индию, в сказку, в ковригу...
(Горестен гусельный кус.)
Помнит татарское иго
В красном углу деисус.

Грезит изба Гостомыслом,
Суслом тверезый корец.
Братья, по ранам иль числам
Огненный ведом конец?

Наше смертельное знамя
Сладостней персей и струн,
Пляшет тигренком над нами
Юное солнце коммун.

Эво, —ревун на раките,
Кафр—у тунгуза в гостях,
В липовом бабьем корыте
Плещет лагуною Бах.

В избах и в барках ловецких
Пляска сидонских ковров...
Тянет от пущ соловецких
Таборным дымом стихов.

Родина, я умираю,—
Кедр без влаги в корнях,
Возношусь к коврижному раю,
Где калач—засов на дверях!

Где изба—пеклеванный шолом,
Толоконная горотьба...
Сарафанным, алым подолом
Обернулась небес губа.

Сапожки—сафьянные тучи,
И зенит—бахромчатый плат.
Не Кольцов, мандолинный Кардуччи—
Мой напевно плакучий брат.

Стать бы жалким чумазым кули,
Горстку риса стихами чтя...
Нижег голод, как четки, пули,
Костяной иглой шелестя.

И в клетушке издохла рябка,
(Это солнце сразил колтун.)
Не откроет куриная лапка
Алмантовых врат коммун.

Перед нимъ не вымолить корки
За сусальный, пряничный стих...
Жаворонками скороговорки
Утонули в далях пустых.

От былин, узорных погудок,
Только перья, сухой помет,—
И гремит литаврой желудок,
Янычар сзывая в поход.

Родина, я грешен, грешен,
Богохульствуя и кляня!...
Осыпается цвет черешен—
Жемчуга Народного дня.

Не в обляде Спас, а в жилетке
С пронырою—водагом...
Прочитают внуки заметки
О Черепе под крестом.

Скажут: „в строчках оцет и раны,
Мужицкий, самумный вздох“...
Салтычихи и Тамерланы
Не вошли в Сермяжный чертог.

Но бумажные, злые черви
Пробуравили Хризопрас,
От Маркони, Радио вервий,
Саваоф не милует нас.

И над сездальскою божницею
Издевается граммофон;
Пламенеющей колесницею
Обернется поэта сон.

С Зороастром сядет Есенин—
Рязанской земли жених,
И возлюбит грозный Ленин
Пестрядиный, влюевский стих.

Поселиться в лесной избушке
С вудесником—петухом,
Чтоб не знать, как боровы-пушки
Изрыгают чугунный гром.

Чтоб не зреть, как дымятся раны,
Роженичные ложесна...
На лопарские мхи, поляны,
Голубая сойдет весна.

Прибредет к избушке лосиха
Просить за пегих телят,
И пузатый пень, как купчиха,
Повяжет зеленый плат.

Будет месяц, как слезка, светел,
От росы чернобыльник сед,
Но в ночи буварекнет петел,
Как назад две тысячи лет.

Вспыхнет сердце—костер привратный
Озаряя Терновый лик...
Римский век багряно-булатный
Гладиаторский множит крик.

И не слышна слеза Петрова—
Огневая моя слеза...
Осыпается Бога-Слова
Живоносная бирюза.

Нет иглы для низвы и нити,
Победительных, чистых риз...
О, распните меня, распните,
Как Петра,—головою вниз!

Братья, мы забыли подснежник,
На проталинке снигиря,
Непролазный, мертвый валежник
Прославляют поэты зря!

Хороши заводские трубы,
Многохоботный маховик,
Но всевластней отрочьи губы,
Где живет иступленья крик.

По победней юноши пятка,
Роши глаз, где лешачий дед,
Пенавистна борцу лампадка,
Филаретовских риз газет!

Полюбить гудки, кривошипы—
Снигиря и травку презреть..
Осыпают церковные лица
Листопадную, рыжую медь.

И на сердце свеча и просфорка,
Бересклет, где щебечет снигирь.
Есть Купало, и Красная горка,
Сыропустная, блинная ширь.

Есть Россия в багдадском монисто,
С бедуинским изломом бровей..
Мы забыли про цветик душистый
На груди колыбельных полей.

Теперь бы герань на окнах,
Вотрушка, ворчун—самовар,
В зарю на реченке и вояках
Киноварно—сизый пожар.

Жизнь, как ласково—мерная пряжа
Под усатую сказку кота...
Свершилась смертельная кража,
Развенчана Магь—красота!

Слепящий венец и запястье
В обмен на сорочий язык...
Народное горькое счастье
Прозабло кустом павилик.

Силести бы веночек Марусе,
Но жутко пустынна межа,
И песенка уличной Руси—
Точильные сверпы ножа.

Корейцы, чумазы сербы
Заслушались визга точил...
Сутудятся волжские вербы
Над скорбью бурлацких могил.

На заводских задворках, где угольный ад,
Одуванчик возрастает звездистой слезкой;—
Неподвластен турбине незримый царьград,
Что звенит жаворонком и зябликом—тёзгой.

Пусть плакаты горланят: „падите во прах
Перед углем чумазым, прожорливой домной,—
Воспарит моя песня на струнных крылах
В позапечную высь, где Фавор беспотемный.

Где отцовская дума—цветенье седин,
Мозг ковриги и скарти девьи персты;—
Не размыкать сейсмографу русских кручан,
Гамаюнов—рыдающих птиц красоты.

И вотще брат—железо березку корит,
Что как песня она с топором не дружна,..
Глядь, в бадейке с опарою плещется кит,
В канле цота дельфином ныряет луна.

Заливаются иволги в бабьем чепце,
(Есть свирели в парче, плеск волны в жемчугах,)
Это Русь загрустила о сыне—певце,
О бизоньих вигвамах на вятских лугах.

Стих—черпак на родной соловецкой барже,
Где премудрость глубин, торжество парусов...
Я в историю в'еду на звонном морже .
С пододонною свитой словесных битов.

Сергею Есенину.

В степи чумацкая зола
Твой стих, гордынею остужен,
Из мыловарного котла
Тебе не выловить жемчужин.

И груз Кобыльих кораблей—
Обломки рифм, хромые стопы.
Не с Коловратовых полей
В твоём венке гелиотропы.—

Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных голгоф
Тропа к иудиным осинам.

Скорбит Рязанская земля,
Седея просом и гречихой,
Что, соловьиный сад трепля,
Парит есенинское лихо

Оно, как стая воронят
С нечистым граем, с жадным зобом,
И опадает песни сад
Над материнским строгим гробом.

В гробу пречистые персты,
Лапотцы с посохом железным,—
Имажьнистские цветы
Претят очам многоболезным.

Словесный брат, внемли, внемли
Стхам—берестяным оленям:
Олонецкие журавли
Христосуются с Голубенем.

Трерядница и Песнослов—
Садко с зеленой водяницей,
Не счесть певучих жемчугов
На нашем детище—странице.

Супруги мы... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах.

В васильковое утро белее рубаха,
В междучасие зорь самоцветна слеза.
Будет олово в горле, оковы и плаха,
И на крыльях драконьих седая гроза.

Многозубые башни укроют чертоги,
Где властители жизни—Епископ и Царь,
Под кандалный трезвон запылится дороги..
Сгиньте воронов стаи—словесная гарь!

В васильковое утро белее рубаха,
Улыбается печь и блаженна скамья,
За певучей буделью незрямая пряжа
Мерит нитью затон, где Бессмертья ладья.

На печной материк сходят мама и дед
Облеченные в звон, в душу флейт и стихов,
И коврижное солнце врупичатый свет
Проливает в печурки, где выводок слов.

И ныряют слова в самоцветную хлябь,
Ронят радужный пух занятых и тире...
О, горящее знамя—тигриная рябь,
Буйный молот и серп в грозовом серебре!

Куйте, жните, палите миры и сердца!
Шар земной—голова, тучи—кудри мои,
Мозг—коралловый остров, и слезку певца
Омывают живых океанов струи.

В заборной щели солнышка кусок—
Стихов веретено, влюбленности исток,
И мертвых кашек в воздухе дымок...
Оранжевый Сентябрь плетет земле венок.
Предзимняя душа, как тундровый олень
Стремится к полюсу, где льдов седая лень,
Где ледовитый дуб возносит сполох—сень,
И эскимоска—ночь укачивает день.—
В моржовой зыбке светлое дитя
До мамушки—зари прикурнуло, грустя,
Поземок—дед, ягельником хрустя,
За чумом бродит, ежась и кряхтя.
Душа—олень летит в алмаз и лед,
Где время с гарцуном, миров стерляжий ход,
Чтобы закликать Май, гусиный перелёт,
И в поле, как стихи, суслонный хоровод.
В заборной щели солнечный глазок
Глядит в овраг души, где слёзка—ручеек
Звонит украдкой меж галек—серых строк,
Что умерла любовь и нежный Май истёк.

М А Т Ь.

Она родила десятерых
Краснозубых, ярых сынов;
В материнских косах седых
Священный сумрак лесов:

Под елью старый Велес,
Пшено и сыр на костре,
И замша тюркских небес,
Как щит в голубом серебре.

Поет заклятья шаман,
Над жертвой кудрявится дым...
Родительский талисман
В ученую лупу незрим.

И мамин еловый дух
Гербарий не полонит...
Люблю величавых старух
В чьих шаях шумы раки.

Чьи губы умели разжечь
В мужчине медвежий жар,
Отгулы монгольских сечь
И смертный пляс янычар.

Старушья злая любовь
Дурманнее белены,
Салоп и с проседью бровь
Таят цареградские сны.

В Софию в'ехал Мурат,
И Влахери—пристанище змей...
Могуч, боговидящ и свят,
И сын сорока матерей.

И сорок титанов—отцов,
Как глыбу, тесали меня.
Придите, из певчих сосцов
Отпить грозowego огня!

Строгоновские иконы—
Самоцветный, мужицкий рай;—
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край.

Не обертывайте в манишки
С газетным хитрым листом,
По звенящей, тонкой наслышке
Мы Предвечное узнаем.

И когда златится солома,
Оперяются озима,
Мы в черте алмазной, мы дома,
У живых истоков ума.

Самоцветны умные хляби—
Непомерность ангельских глаз...
Караван к Запечной Каабе
Привезет виссон и атлас.

Парядясь в пламя и розы,
В Строгоновское письмо,
Мы глухие смерчи и грозы,
Запряжем в земное ярмо.

Отдохнет многоскорбный сивка,
От зубастых ножниц овца,
Брызнет солнечная наливка
Из небесного погребца.

Захмелеют камни и люди,
Бедр и кукуший лен,
И восплачет с головой на блюде
Плясея Кровавых Времен.

Огневые рощи — иконы
Восшумят: „се Жених грядет“...
Не зовите нас в Вашингтоны
Под губительный молот бед!

Узорные шаровары
Вольготней потных, бязничных. . . .
Воронье да злые пожары
На полях родимых запечных.

Черепя по гулкам печуркам,
В закомарах лешачий пляс,
Ускабал за моря каурка,
Добрый воле и друг—китоврас.

Лучше вихорь, песни Чарджуев,
На пути верблюжий костяк;
Мы борцы, Есенин и Клюев,
За ковригу возносим стяг,

За цветы в ушах у малайца,
За кобылий сладкий удой,
Голубка и ржаного зайца
Нам испек Микула родной.

Оттого на песенной кровле
Воркование голубей,
Мы—Исавы, в словесной ловле
Обросли землей до груди.

И в земле наших книг страницы,
Запытые—медвежий след,
Не свивают гнезд жаро-птицы
По анчарным дебрям газет.

На узорчатых шароварах
Прикурнуть ли маховику?
Лишь пучина из глубей ярых
Выплескивает строку.

Маяковскому грезится гудок над Зимним,
А мне журавлиный перелет и кот на лежанке.
Брат мой несчастный, будь гостеприимным:
За окном лесные сумерки; совиные зарюпки!

Тебе ненавистна моя рубаха,
Распутинские сапоги с набором,
В них жаворонки и грусть монаха
О белых птицах над морским простором.

В каблуке в моем терем кашеев,
Соловей—разбойник поныне,—
Проедет ли Маркони, Менделеев,
Всея оставит свой мозг на тыне.

Всекий станет песней в ночевке,
Под свист костра, над излучиной сивой;
Заблудиться в моей поддевке
„Изобразительным искусствам“ не диво.

В ней двенадцать швов, как в году високосном
Солноповороты, голубые пролеты,
На опушке по сафьяновым соснам
Пригают дятлы и белки—столетья.

Иглокожим, головоногим претит смоль и черника.
Тетеревиные токи в дремучих строчках,
Свете тихий от народного лика
Опочил на моих запятых и точках.

Простой, как мычание, и облаком в штанах ка-
зинетовых

Не станет Россия, так вещает Изба.
От мереж осетровых и кетовых
Всплески рифм и стихов ворожба

Песнотворцу ль радеть о кранах подъемных,
Прикармливать воронов—стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домнах
Выплавится жизни багряное золото.

Блузник, сапожным ножом
Раздирающий лик Мадонны,—
Это, в тумане ночном,
Достоевского крик бездонный.

И ныряет, аукает крик—
Черноперый, колдующий петел,
Невестной матери лик
Предстает нерушимо светел.

Безобиден горлинка-нож
В золотой, коврижной потребе.
Колосится зарная рожь
На валдайском, ямщицком небе.

И звенит Достоевского боль
Бубенцом плакучим, поддужным. . .
Глядь, кабацкая, русская голь,
Как Мадонна, в венце жемчужном!

Только буйственна львенок-брада,
Ястребята—всезрящие очи. . .
Стали камни, огонь и вода
До пурпуровых сказок охочи.

И волхвующий сказочник и,
На устах огневейные страны. . .
Достоевского боль, как ладья,
Уплывает в ночи туманы

Повешенным вниз головою
Косматые снятся шатры
И племя с безвестной молвою
У аспидно—синей горы.

Там девушка тигру услада,
И отрок геенски двуд.
Захлестнутым за ноги надо
Отлить из кровинок сосуд.

В нем влага желёз, сочленений
И с семенем клей позвонков. . .
Страдны казненному сени
Незыблемых горных шатров.

Смертельно пеньковой тропою
Достичь материнской груди. . .
Повешенных вниз головою
Трещеткою рифм не буди.

У вечерни два человека—
Пон да сторож в чуйке заплатавой.
На пороге железного века
Стою, мертвец неоплаканый.

Бог мой, с пузом распоротым,
Выдал миру тайны сердечные;—
Дароносица распластана молотом,
Ощипаны гуси—серафимы млечные.

Растреляны цветики на проталинках,
И мамини спицы—кудесницы. . .
Снегурка в шубейке и валенках
Хнычет у облачной лестницы.

Войти бы в божью стряпущую
Где месяц—калач анисовый. . .
Слезинка над жизненной пуцеею
Расцветет, как сад барбарисовый.

Спицы мамини свяжут Нетленное—
Чулки для мира голопятого,
И братина—море струнно-пенное
Вылеснет Садко богатого.

Выстроит Садко Избу соборную,
Подружит Верхарна с Кривошолоновой
И обрядит Ливершуль, Гаабу узорную
В каргопольскую рубаху с прижкой Эбеновой.

Убежать в глухие овраги,
Схорониться в соевом дупле,
От пера, колдуньи—бумаги,
От жестоких книг на земле.

Обернуться малой пичугой,
Дом—сучек, а птица—роса
Чтоб не знать, как серною вьюгой
Курятся небеса.

Как в пылающих шлемах горы
Навастривают мечи. . .
Помню пагодные узоры,
Чайный сад и плеск че-чун-чи.

Гималаи видели ламу
С ячменным русским лицом. . .
Песнописец, Волгу и Каму
Исчерпав ли пером?

Чтобы в строчках плавали барки,
Запятые, как осетры. . .
Половецкий голос татарки
Чародейней прижи сестры.

В веретёнце жалобы вьюги
Парабинская даль в зурне. . .
Самурай в спящей кольчуге
Кушиною предстанет мне.

Совершит обряд харакири:
Вынет душу, слезку—звезду. . .
Вспоманет ли о волжской шире
Китайченок в чайном саду?

Домежнутся ли по Тянь—Дзуну,
Что под складками че-чуб-чи
Заневают, ласкаясь к сыну,
Заонежских песен влючи?

Незримая наутинка
Звенит как память, как миг.
Вьется жизненная тропинка
Перевалом пустынных книг.

Спотыкаюсь о строки—кварцы,
О кремни точек, тире.
Вотьяки, голубые баварцы
Притекают к Единой заре.

На пути калканами книги:
Тургенев, жасминный Фет.
На пламенной ль квадриге
Вознесется русский поэт?

Иль, как я, переметной сумкой
Будет мыкать горе—судьбу?
Ах, родиться бы недоумкой
Песнолюбящему рабу!

Не знать бы „масс“, „коллектива“,
Святых имен на земле. . .
Львиный Хлеб—плакучая ива
С анчарным ядом в стволе.

Надпись на портрете

НИКОЛАЮ ИЛЬИЧУ АРХИПОВУ.

Портретом ли сказать любовь,
Мой кровный, неясноведимый! . . ,
Уж зарумянилась морковь,
В рассоле нежатся налимы.

С бараньих почек сладкий жир,
Как суслик, прыскает свечою,
И вдовый коротает пир
Комар за рамою двойною.

Салазкам снится, что зима
Спрядает заячью пороху. . .
Глядь, под окно свалила тьма
Лохмотьев траурную ношу.—

Там шепелявит коленкор
Подслеповатому газету:
„Какой великопостный сор
Поэт рассыпал по портрету,

Как восковина строк горька,
Горбаты буквы—побярушев“. . .
О, только б милая рука
Легла на смертные подушки!

О, только б обручить любовь
Созвучьям—опьяненным пчелам,
Когда кровавится морковь,
И кадки плачутся рассолом!

Чернильные будни в комиссариате,
На плакате продрог солдат,
И в папахе, в штанах на вате,
Желто—грязен зимний закат.

Завтра поминальный день,
Память расстрелянных рабочих.
Расцветет ли в сердцах сирень
У живых, до ран не охочих?

Расплетут ли девушки косы,
Старцы воссядут ли у ворот,
Светорунные мериносы
Сойдутся ль у черных вод?

Пахнет ли вертоград изюмом,
Банановой похлебкой очаг?
Вторя смертельным думам
Треплется советский флаг.

Как будто фрегат багряный
Отплывает в неизвестный край. . .
Восшумят в печурке платаны,
На шесток взлетит попугай.

И раджа на слове священном
Посетит карельский овин,
Из ковриги цветом нетленным
Взрастет златоствольный крин.

Вспыхнет закат - папаха,
Озарит потемки чернил,
И лагунной музыкой Баха
Зажурчит безмолвье могил.

У соседа дочурка с коспчкой—
Голубенький цветик подснежный.
Громыкает, влекомо привычкой,
Перо, словно кузов тележный.

На пути колеи, ухабы,
Недозвучья—коровьи мухи.
Стихотворные дали рябы,
И гнусавы рифмы—старухи.

Ах, усладней бы цветик—дочка,
Жена в родильных веснушках!
Свернулась гадюкою точка,
Ни зги в построчных макушках.

Громыкает перо—телега
По буквам—тряским ухабам. . .
Медвежья хвойная нега
Внимать заонежским бабам.

В них вече и вольгова домбра,
Теремов слюдяные потемки. . .
Щекочет бесенок ребра
У соседа—рыжего Фомки.

Оттого и дочка с коспчкой,
Перина, жена в веснушках.
Принижен гения вличкой
Я крот в певучих гнилушках.

По мне пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью,
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою,

Да где—нибудь в пестром Харане
Публиец, свершивши намаз,
О раненом солнце тимпане
Причудливый сложит рассказ.

И будет два солнца на небе,—
Две раны в гремящих веках,
Шурнузное—в ленинской трембе,
Сермяжное—в хвойных стихах.

Недаром мерещится Мекка
Олонецкой серой избе.
Горящий венец человека
Задуть ли самумной судьбе!

От смертных песков есть притины,
Узорный оазис—изба. . .
Грядущей России картины—
Арабская вязь и резьба.

В кряжистой тайге понугай,
Горилла за вязкой лантей.
Я грежу о северном рае
Плодов и газельих очей.

Задворки Руси—матюги на заборе,
С пропащей сумой красноносый кабак,
А ветер поет о родимом поморье,
Где плещется солнце—тюлений вожак,

Где заячья свадьба, гагарьи крестины
И ос новоселье в зобатом дупле...
О, если б в страницах златились долины,
И строфы плясали на звонкой земле!

О, если б ковычки—стада холмогорок
Сходились к перу—грозовому ручью!
Люблю неснотравный гремучий пригорок,
Где тайна пасет двоеточий семью.

Сума и ночлежка—судьбина поэта,
За далью же козлик—дымок над избой
Бодается с просинью—внучкою света...
То сон колыбельный, доселе живой.

Как раненый мор.: многоротая книга
Возвала смертельно: приди! О, приди!
И пал Карфаген—изблная коврига...
Найдет ли изменник очаг вперед?

Иль в зуде построчном, в словесном позоре,
Износит невучий Буслев кафтан?...
Цветет костоеда на потном заборе—
Бесструнных времен прокаженный коран.

ЛЬВИНЫЙ ХЛЕБ.

„Тридцать три года, тридцать три“,
Это дудка няни—зари.
Моей старой подруги.
Первый седой волос
И морщинок легкие дуги—
Знак, что и в мою волость
Прилетутся гости—недуги:
Лихорадка—поджарая баба,
Костолом—сутулый бродяга...
В тени стиха—баобаба
Залегла удавом бумага.
Под чернильным солнцем услада.
Переваривать антилопу—чувства...
Баобабы пасынки сада
Неувядаемого искусства.
В их душе притаились пумы,
Каннибалов жадный поселок,
Где треплются скальпы—думы
У божничных свирепых полков,
Где возмездие варит травы
Напитывать стрелы ядом,
И любовь мальчонка чернявый
С персиковым сладким задом.

В тридцать три года норов
Лобызать, как себя, мальчснка,
Отныне женщине боров
Подарит дитя—свиненка
И не надобна пупорезка
Полосатой тигровой самкс...
Песнословного перелеска
Не ищите в славянской камкс:—
Питомец деда—Онега
Отведал Львиного хлеба, —
Прощайте изба, телега —
Моя родная потреба!
Лечу на крыльях самума...
Коршуна, чье яйцо России,
В персты арабского Юма,
В огни и флейты степные.
Свалю у ворот Судана
Вязанку стихов овинных,—
Олонецкого баяна
Возлюбят в шатрах пустынных.
И девушки—бедуинки
В Песнослов окунут кувшины...
Не ищите меня на рынке,
Где яятся бесы—машины,
Где, оскала шрифтные зубы,
Взвизгивает газета...
В зрачках чернокожей Любы
Заплещет душа поэта...
И заплачут шишками сосны
Над моей пропащей могилой...

Тридцать третий год високосный
Вздувает ночь ветрило.
Здравствуй шкипер из преисподней!
Я—кит с гарпуном в лапу,
Зову на пир новогодний
Дьяволицу—красоту.
Нам любо сосать в обнимку
Прогорелый собственный хвост,
Пока и нашу займку
Хлестнет пургою погост.

Древний новгородский ветер,
Пахнувший колокольной медью и дымом бурлац-
ких костров.

Таится в урочищах песен,
В дуплах межстрочных,
В дремучих потемках стихов.

Думы—олонецкие сосны
С киноварной мякотью коры,
С тульёй от шапки Ивана-царевича на макушке,
С шумом гусиного перелёта,
С плеском окуньюм в излуче ветвей
Живут в моих книгах до вечной поры.
Бобры за постройкой плотины,
Куницы на слежке тетерьей,
И синие прошвы от лыж
К мироварице—келье пустынной,
Где Ярыше Очи зырянский Иеус
С радельной рубахой на грядке—
Вот мое сердце и знание и путь.

В стране холмогорской, в нерпячем снегу,
Под старым тресковым карбасом,
Нашел я поющий, берестяный след
От лаптя, что сплел Ломоносов:
Горящую пятку змея стерегла,
Подследье-ж орлы—рыбогоны,
И пять кашалотов в поморьи перстов
Познанья Скалу сторожили.

И пламенем мозга змею прикормил,
Орлов—песнокрылою мыслью,
Пяти кашалотам дал зренье и слух,
Чутье с осязаньем и вкусом—
Разверзлась пучина, в Познанья Скале
Лазоревый мост обнажая.
Кто раз заглянул в ягедя моих глаз,
В полесье ресниц и межбровья,
Тот видел чертог, где берестяный Спас
Лобзает шафранного Браму,
Где бабья слезинка, созвездием став,
В Медину ведет караваны,
И солнце Гаити—суроппный калач
Почило на пудоожском блюде.

Запечную сказку, тресковую рыбь,
Лулу в толоконном лукошке
У паря в серьге талисманый Памир,
В лучине—кометное пламя,
Тюрбан Магомета в старушем ченце,
Карнак—в черемисской божнице—
Все ведает сердце, и глаз—изумруд

В зеленые неводы ловит.
Улов непомерный на строчек шесты
Развесила пестунья—память:
Зубатку с кораллом, с дельфином треску,
Архангельский говор с халдейским,
И вышла поэма—ферганский базар
Под сенью карельских погостов.
Пиджачный читатель скупает товар,
Амбары рассудка бездонны,
И звездную тайну страницей зовет,
Стихами жрецов гороскопы,
Ему невдомек, что мой глаз-изумруд—
Зеленое пастбище жизни.

Меня хоронят, хоронят,
Построчная тля, жуки,
Навозные проворонят
Ледоход словесной реки.

Проглазеют моржа золотого
В половодном разливе строк,
Где ловец—мужицкое слово
За добычей стремится челнок.

Погребают меня так рано,
Тридцатилетним бородачем,
Засыпают книжным гуано
И брюсовским сюртуком.

Сгинь поджарый! Моя одёжа
Пестрядь нив и ржаной атлас.
Разорвалась тучами рожа,
Что пасла, как отары, нас.

Я из ста миллионов первый
Гуртовщик золоторогих слов,
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков.

Пестершим панвхидный запах...
Мозг бодает изгородь лба...
На бревенчатых тяжких лапах
Восплескала моя изба.

Осетром ныряет в оконцах
Краснобрюхий лесной закат,
То к серпу на солнечных донцах
Пожаловал молот—брат.

И зажглись словесные клады
По запечным дедьям и мхам...
Стихотворные водопады
Претят бумажным жукам.

Не с того ль из книжных улусов
Тянет предью и кизяком,
Песнослову грозится Брюсов
Изнасилованным пером.

Но ядрен мой рай и чудесен,
В чаше солнца рассветный гусь,
И бадьюю омуты песен
Расплескала поморка Русь.

Из избы вытекают межи,
Русские тракты, Ломоносовы, Ермаки...
Убежать в половецкие вежи
От валдайской ямщицкой тоски.
Журавинная, русская тяга
С Соловков—на узорный Багдад...
В Марсельезе, в напеве „Варяга“
Она дает судьба—виноград.
Забубенно, разгульно и пьяно,
Бровь—стрела, степь да ветер в зрачках; -
Обольщонная Русь, видно рано
Прозвенел над Печорою Бах!
Спозаранка знать внук Коловрата!
Аду Негри дарил перстеньком...
Поседела рязанская хата
Под стальным ливерпульским лучом.
Эфиопская черная рожа
Над родимую пушей взойшла.
Хмура Волга и степь непогожа,
Где курганы пурга замела.
Где Светланина треплется лента,
Окровавленный плата лоскут...
Грай газетный и щокот конвента
Славословят с оковами кнут.
И в глухом руднике Ломоносов.
Для Европы издевка --Ермак...
В бубенце и в напеве матросов
Погибающий стонет Варяг.

Глухомань северного бревенчатого городишка,
Где революция, как именная у протопопа.
Ряд обжорный и каланчи вышка
Ждут антихриста, сивушного потопа.
На заборе кот корноухий
Мурлычит про будошника Югора,
В бурнастых растегаях старухи
Греют души на припеке у собора.
Собор же помнит Грозного Ворпса,
На створах врат Илья громогласный,
Где-же Свобода в венке из барбариса,
И Равенство—королевич прекрасный?
Здесь не верят в жизнь без участка,
В смерть без вутьи и без протопопа.
Сбывается аракчеевская сказка
Про немчуру и про мужика—холопа:
Немец был списан на икону—
Мужику не вдомеки рожа...
По купецким крышам, небосклону,
Расплеснулся закат—рогожа.
На рогоже страстотерпица Россия
Кажет Богу раны и отеки...
Как за буйство царевна София
Мы получим указ жестокий:
„Стать уездной бревенчатой глухомани
Черной кухней при Утгоф—бароне,
И собору, как при грозном Иоане,
Бить уставы в медные ладони“.

Миновав житейские версты
Умереть, как золе в печурке,
Без малинового погоста,
Без сказки о котике Мурке.

Без бабушки за добрым самоваром,
Когда трепыхает ангелок—лампадка...
Подружиться с яростным паром
Человечеству не загадка.—

Прежевальский в желтом Памире
Видел рельсы—прах тысячелетий...
Грянет час, и к мужицкой лире
Принадут пролетарские дети.

Упьются озимью, солодягой,
Подлавочной ласковой сонатой,
Уж загрезил пасмурный Чикаго
О коньке над пудоожской хатой.

О сладостном соловейском чине
С подблюдными славами, хвалами...
Над Багдадом но моей кончине
Заширяют ангелы крылами.

И помянут пляскою дервиши
Сердце—розу смятую в Парыме,
А старуха—критика запишет
В поминанье горестное имя.

Запах инбиря и мяты
От парня с зелеными глазами:
Какие Припяти и Ефраты
Протекают в жилах кровями?
Не закат ли пустыни в мочках,
Леопарды у водопоя?
В осинových терпких почках
Есть оцет халдейского зноя.
Есть в плотничьих звонких артелях
Отгулы арабской стоянки,
Зареет в лапландских мятелях
Коралловый пляс негритянки.
Кораллы на ладожской юфти—
К словесному знать половодью...
В церквушке узорчатый муфтий
Рыдает над ветхой триодью.—
То встреча в родимых бороздах
Зерна с земляными сосцами.
У парня в глазницах, как в звездах,
Ночное, зеленое пламя.
Как будто в бамбуковых дебрях
За маткой крадутся тигрята,
И желчью прозябли на вербах
Инбирь и чилийская мята

Петухи горланят перед солнцем,
Пред фазаньим лучем на геранях.
Над глухим, бревенчатым Олонцем
Небеса в шамаханских тканях.

И не верится, что жизнь — обида
С бесхлебицею и бестишьем,
Это возводится Семирамида
Повеленьем солнечным вышним.

Тяжек молот, косны граниты,
В окровавленных ризах зодчий...
Полюбил кумач и бархат рытый,
Как напев, обугленный рабочий.

Только-б вышить жребий кумачный
Вирюзой ковандской, смирнским полком,
Что-бы некто чопорно-ниджачный
Не раставил Громное по полкам.

Что-бы в снедь глазастым мжроскопам
Не досталась песня, кровь святая...
В белой горенке у протопопа
Заливается тальянка злая.

Кривобови церковь и лавченки
Позабыв о купле, Божьих данях...
Петухи горланят в перегонки
О фазаньем солнце на геранях.

Поле усеяное костями,
Черепами с беззубою зевотой,
И над ним, гремящий маховиками,
Безыменный и безликий кто-то.
Кружусь вороном над страшным полем,
Узнаю чужих и милых скелеты,
И в железных тучах демонов с дрекольем
Провожающих в тартар серные кареты.
Вот шестерня битюгов крылатых
Запряженных в кузов, где Есенина поэмы.
Господи, ужели и в рязанских хатах
Променили на манишку ржаные эдемы!
И нет Ярославны поплакать зигзицей,
Прекрасной Евпраксии низринуться с чадом...
Я—ворон, кружусь над великой гробницей,
Где челюсть осла с Менделеевым рядом.
Мой грай почитают за песни народа, —
Он был в миллионах годин и столетий...
На камне могильном старуха — свобода
Из саванов вяжет крошечные сети.
Над мертвою степью безликое что-то
Родило безумие, тьму, пустоту...
Глядь, в черепе углом осинные соты,
И кости ветвятся, как верба в цвету.
Светила слезятся запыльем перловым,
Ручей норовит облобзаться с лозой,
И Вот зеленеет побегом ветловым
Под новою твердью, над красной землей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

салтырь царя Алексия	7
свет неприкосновенный, свет неприступный	9
Россия плачет пожарами	10
Я знаю, родятся песни	12
Вмирают звезды и песни	14
Проститься с лаптем-мнягой	16
Сороки—платиновые зубы	18
Придет караван с шафраном	20
Суровое булыжное государство	22
Юмик Петра Великого	24
Вурна на зырянской свадьбе	26
В шестнадцать—кудри да носиделки	28
На помин олонецким бабам	30
Осыпалась избяная сказка	32
Женилось солнце, женилось	34
Геперь бы Казбек—коврига	36
Железо	38
Солнце избу взнуздало	40
Солнце верхом на овине	42
Родина, я умираю	44
Родина, я грешен, грешен	46
Поселиться в лесной избушке	48
Братья, мы забыли подснежник	50
Геперь бы герань на окнах	52

На заводских задворках, где угольный ад	53
В степи чумацкая зола	55
В васильковое утро белее рубаха	57
В заборной щели солнышка кусок	59
Мать	60
Строгоновские иконы	62
Узорные шаровары	64
Маяковскому грезится гудок над зимним	66
Блузник сапожным ножом	68
Повешенным вниз головою	69
У вечерни два человека	70
Убежать в глухие овраги	72
Незримая паутинка	74
Портретом ли сказать любовь	75
Чернильные будни в комиссарнате	77
У соседа дочурка с косичкой	79
По мне пролеткульт не заплачет	81
Задворки Руси — матюги на заборе	83
Львиный Хлеб	85
Древний новгородский ветер	88
Меня хоронят, хоронят	91
Из пзбы вытекают межн	93
Глухомань северного бревенчатого городишка	94
Миновав житейские версты	95
Запах инбиря и мяты	97
Петухи горланят перед солнцем	98
Поле усеяное костями	100

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НАШ ПУТЬ“

Москва, Спиридоновка, 16, кв. 23.
Телеф. 5-19-07.,

1. Фрапье. Рассказы (с франц.)
2. Н. Ключев. Львиный хлеб (стихи).
3. В. Зюрюкин. Сельско-хозяйствен. артели на Западе.

Готовятся к печати след. книги:

4. О. Форш. Равви (драма).
5. О. Л. Чижигов. Краткий курс кооперации.
6. П. З. Штейнберг. Дантоново и Робеспьерово начало в революции.
7. Иванов-Разумник. Россия и Европа.
8. К. Эрберг. Красота и свобода.
9. А. З. Штейнберг. Система свободы Ф. М. Достоевского.
10. П. К. Михайловский. Хрестоматия из его произведений.
11. П. Л. Лавров. Хрестоматия.
12. А. И. Герцен. Хрестоматия.
13. «Судьбы революционного народничества» Сборник статей: Я. Брауна, В. Вольского, Иванова-Разумника, Б. Камкова, Г. Нестроева, В. Трутовского, О. Чижикова, И. З. Штейнберга, А. З. Штейнберга.
14. Новости техники за-границей.
Периодич. сборники, под редакц. Л. П. Корчинского
15. А. Ляцко. Рассказы о войне (С венг.).
16. Э. Толлер. Масса-Человек. Драма (перев. с немецк.).
17. Э. Мюзам. Иуда, Драма (перев. с немецк.).

3000 экз. (Р. В. Ц.) Москва. № 731 1/II:
Тип. Искусство и Труд. 31-ая МСНХ, аренд. Г. У. М. Никольская.